

Проект издательского дома “Эпоха”

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДАГЕСТАН

Махмуд из Кахабросо

ЛИРИКА

НА РУССКОМ И АВАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Махмуд из Кахабросо
Лирика. На русском
и аварском языках
Серия «Литературный Дагестан»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8682472

Лирика: Издательство "Эпоха"; Махачкала; 2009

ISBN 978-5-98390-070-7

Аннотация

Сборник стихов аварского поэта Махмуда из Кахабросо

Содержание

Бунтарь духа	5
Рокбиян кьерилал, кьалан гЮлилал	18
Мое поражение	26
Шагьру шагІбан тІагІун, тІаде моцІалъул	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Махмуд из Кахабросо

Лирика

ХІасрат цІикІкІарасе цІар щолібани,
Щер гІадин дунијал дир букІинаан.
ЦІикІкІун хиял лъурав ханлъулевани,
Халкълъул ихтияр дихъе щвелаан.

Если б люди прославляли сильную страсть,
Я бы стоял над землею могучим владыкой,
Утвердил бы над миром я царскую власть,
Если б мир трепетал пред любовью великой.

Бунтарь духа

Махмуд из Кахабросо в течение тридцати двух лет – с 1887 по 1919 год – создавал неувядающие, нестареющие, бесмертные произведения. Как поэт он снискал всеобщее признание и славу, о которой мечтает каждая творческая личность. В то же время он поднял национальную художественную культуру на такой высокий уровень, что его поэзия до сих пор остается недостижимым образцом совершенства и художественности. Он продолжатель и обновитель вековых художественных традиций народа.

Механизм творческого процесса, характерный для национального литературного развития аварцев, достаточно емко раскрыл профессор Л.И. Жирков: «Раз появившись, удачная песня передается не только устным путем. Она является обыкновенно довольно длинным произведением. Она в буквальном смысле пишется уже самим автором, переписывается его друзьями, в записанном виде идет в другие аулы, в соседние округа. Ее обыкновенно на какой-нибудь из известных мотивов поют, и как есть известные поэты, так есть там и известные музыканты-композиторы».¹ В этом ключе, по такой технологии творил и Махмуд. Место его в культурной жизни общества можно сравнить с деятельностью бардов в

---

¹ Жирков Л.И. Старая и новая аварская песня. С. 25.

настоящее время. Он был и автором произведения, и его исполнителем, аранжировщиком известных мелодий, порою и автором музыки. Его поэзия была звучащей, так она бытовала, функционировала, хранилась и представляла собой песенную поэзию.

В большей степени для творчества Махмуда характерен профессионализм. Он записывал свои произведения, работал над текстом, готовое произведение исполнял сам и отдавал для исполнения известным и заслуживающим, по его мнению этого, певцам в Аварии.

Однажды, будучи в гостях у кунака Магомедали в селении Инхо, он целую ночь в кунацкой провел за работой. Когда утром хозяин спросил, как ему спалось, он ответил: «Всю ночь писал стихотворение «Мать и дочь». Никак не удавалось, чтобы в споре победила дочь, мать все время брала верх, ее доводы казались более убедительными. Но мне все же удалось убедить мать в правоте дочери».² Большинство стихотворений Махмуда сюжетны, в них развернутая композиция, объем их колеблется от 150 до 300 стихотворных строк. Такие произведения, как бы сильны ни были творческая одаренность и память, за один присест на писать, тем более симпровизировать невозможно, они требовали сосредоточенной и целенаправленной работы. Он и работал в этом ключе, писал стихи, об этом он многократно говорил. Сколько им было создано произведений за свою творческую жизнь

---

² Рассказы о Махмуде. С. 52.

– это мог знать лишь сам поэт, до нас дошло семьдесят девять его оригинальных произведений. Объем дошедшего до нас поэтического творчества Махмуда в несколько раз превышает сохранившееся творческое наследие любого из аварских поэтов XVIII–XIX веков.

По произведениям Махмуда, по его высказываниям о поэзии и поэтах можно судить о том, что он от природы был наделен развитым эстетическим чувством и вкусом. У него было свое понимание природы таланта, вдохновения, творческой работы, мастерства, действенности поэзии.

На вопрос Тайгиба из Инквалиты, много ли приходится думать, сочиняя стихи, Махмуд ответил: «Нет, не приходится. Когда на несколько дней закрываешь коз в кошаре и когда их голодных выпускаешь на волю, они бегут, перепрыгивая друг через друга. Так и слова. Они в моем сердце, в памяти, на ус тах, они, тесня, опережая друг друга, требуют, просят в стихи. Какой толк от стихов, если долго их приходится вы нашивать».³ Стихи Махмуда текли свободно, журча, как прозрачные горные родники или ручейки, стремящиеся вдале.

Писатель Роман Фатуев назвал Махмуда «человеком с вечной любовью в сердце». Да, любовь в ее безответном, драматическом, а зачастую в трагическом проявлении и выражении является приоритетной темой для всей аварской поэзии от ее истоков до конца XIX века. Если бы она была счаст-

---

³ Рассказы о Махмуде. С. 156.

ливой, то, естественно, не было бы никаких интриг, коллизий, конфликтов, но радостным это прекрасное, возвышенное чувство для влюбленных оказывалось весьма редко. Для этого были основательные общественные, социальные, психологические причины. При заключении брака во внимание в первую очередь брались сохранение своего общественного статуса, положения, чистоты рода, приумножение своего состояния и благополучия. Примеров этому предостаточно в историческом прошлом народа. Если проследить только за генеалогией хунзахских ханов, возглавлявших крупнейшее государственное образование в Дагестане, то окажется, что они роднились, связывались брачными узами с дворами казикумухских, мехтулинских ханов, тарковских шамхалов, аксайских князей, кайтагских уцмиев, табасаранских майсумов, грузинских князей и дворян, тушинских ханов. Национальное, языковое различие не было препятствием на этом пути, на первый план выходили политические, экономические, военные цели и задачи.

Невест из узденской среды в качестве вторых жен они хотя и весьма редко, но брали. Зато их дети относились к второразрядному сословию чанка и при определении престола наследника, разделе наследия они ущемлялись, а порою их и обходили. Выдавать своих дочерей за рядовых узденей не практиковалось, какими бы достоинствами они ни обладали. Хунзахский хан свою дочь заставил простоять в шелковой одежде на вершине горы Акаро за то, что она посмела

полю бить ханского табунщика. За ночь девушка превратилась в ледяное изваяние. Это не легенда, а быль. Об этой поражающей воображение жестокости написаны поэма Заида Гаджиева «Голубой экран» и трагедия Абасил Магомеда «Саба Меседо».

Поэзия предшественников Махмуда, поэтов – лириков, также является одной цельной поэмой – исповедью о несчастной, безответной любви. Этой участи не избежали Эльдарилав из Ругуджи, Муртазаали, Этил Али, Амир Али из Телетля, Нурмагомед из Местеруха, Расул и Магомед из Чиркея, Чанка из Батлаича, Магомед из Тлоха, Курбан из Инхело. Махмуд же завершает этот список страдальцев. Если бы не было этой проблемы в общественной жизни и в быту горцев, вряд ли бы поэты так настойчиво, последовательно поднимали ее в своем творчестве, отвлекаясь от других, не менее значимых общественных конфликтов.

Такое положение людей, одержимых страстью и же лающих обзавестись семьей, Махмуду хорошо было известно по своей жизни и по судьбе своих современников. Однажды в Хунзахе поэт, узнав о разводе своего кунака Хасана со своей женой, поучал его: «Ты поступил легкомысленно. Разве ты не знаешь, как трудно бедняку жениться и обзавестись семьей. Когда приходили сватать девушку, ее родня тайно узнавала о площади пашен и лугов жениха, о видимом и невидимом его имуществе. Если это удовлетворяло их, то давали

согласие на сватовство».⁴ О любви пели многие, но Махмуд глубоко обнажил ее корни, изобразил ее кипение и бурление в самых разнообразных чувствах, цветах, оттенках. Его поэзия – это философия любви, мир страданий, доставляемых ею.

Обычно всю поэзию Махмуда сводят к личной судьбе, безответной любви к горянке Муминат из соседнего аула Бетль. Если задуматься над жизнью поэта, вникнуть в глубину содержания его произведений, то становится очевидным, что Махмуд о любви писал до знакомства с ней, писал и после смерти ее в 1917 году, но это были элегии, по священные ей. А он писал, и выполняя заказы многих влюбленных, одержимых страстью, писал и на другие темы. Его жизнь и поэзия не укладываются в рамки его взаимоотношений с Муи, они гораздо шире, глубже, объемнее их.

Дело в том, что после того, как в народе пошла молва о его страстной любви к замужней женщине, все произведения, созданные поэтом, воспринимались как послания, посвященные именно ей, она стала в сознании народа единственным адресатом всего его творчества.

Также в черно-белом цвете воспринималась сама личность Махмуда, несмотря на то, что он был сложной, порой противоречивой фигурой, не укладывавшейся в общепринятые нормы жизни и поведения.

Правящая верхушка, местная власть, мусульманское ду-

---

⁴ Рассказы о Махмуде. Махачкала: Юпитер, 1993.

ховенство воспринимали его как своего идейного врага и противника, они считали его безнравственной личностью, пренебрегающей общественной моралью, этикой, сбивающей мусульман с пути праведного на путь непризнания законов и заповедей шариата.

Аналитики и комментаторы его творчества под влиянием вульгарного социализма и идейной чистоты искусства относят Махмуда к плеяде революционеров, стремящихся к изменению существующего миропорядка, уклада жизни, общественных отношений.

Каждый из адептов этих взглядов, позиций при желании мог бы их укрепить, доказать тенденциозно подобранными отрывками, строфами, строками, фразами из поэзии Махмуда, фактами из его биографии, что очень наглядно говорит о сложности и неординарности его как человека и поэта. Махмуд пишет о любви, но через эту избранную и дорогую для сердца тему он раскрывает, развертывает богатство жизни современной ему действительности.

Мир поэзии Махмуда богат и многообразен.

Об этом пишет и литературовед Л. Антопольский в сравнительном анализе творчества двух выдающихся аварских поэтов Махмуда и Расула Гамзатова: «Махмуд будто бы романтик. Но он не витает в эмпиреях. В его поэзии бьется и дрожит жизнь. Его стихи резки, смелы, в них немало простонародной грубости. В них есть и народно – амбивалентные образы – возвышенное снижается, заземляется, при-

ходит на родную землю. Возлюбленная может аттестовать любимого «жуком навозным» и «совой», «вороной, полной смрада», и «лягушкой...», но страсть от этого не гаснет, – напротив, вспыхивает сильнее».⁵ В своей докторской диссертации «Проблема генезиса и закономерность формирования аварской дореволюционной литературы», защищенной в Тбилисском университете в 1974 году, на основе исследования большого и разнообразного материала национальной поэзии второй половины XIX века, в том числе и Махмуда, мною сделан вывод, что художественным методом поэзии этого периода является прогрессивный романтизм. Он сформировался в литературе как реакция на поражение горцев в Кавказской войне, восстании 1877 года и усилившийся после этого социальный и классовый гнет трудового народа.

Метод этот зародился, развивался без литературных манифестов, течений, школ, идеологической и литературной борьбы, сам по себе, стихийно, но закономерно. Поэты творили по законам традиций, выработанных развитием национальной литературы, без особого внешнего эстетического и художественного влияния, не задумываясь над тайнами и секретами творческого процесса.

Но когда эта самобытная поэзия была изучена в ее хронологической последовательности и пафосной направленности, оказалось, что она соответствует романтическому мировосприятию и мироотражению, характерным принципам,

---

⁵ Антопольский Л. У очага поэзии. М., 1972. С.55.

лежащим в основе этого творческого метода. Эта концепция тогда была воспринята исследователями и признана правильной, хотя в последующих исследованиях о художественном методе национальной литературы эта концепция уже выдавалась как их собственное открытие.

Махмуд и по своей натуре, и по творческому почерку был ярко выраженным поэтом – романтиком, хотя в последние годы жизни он переходит в своей поэзии на рельсы реалистического изображения действительности. Метод его за висел от особенностей самих жизненных коллизий, к которым он обращался.

Будучи недоволен существующими в его время реалиями общественной жизни, Махмуд в своей поэзии создает парящий над обыденной действительностью, отрешенный от нее мир любви и высоких порывов. Для строительства чертогов любви Махмуд использует все возвышенное, прекрасное, ценное, редкое, до чего могут додуматься человеческая фантазия и полет человеческой мысли. В этом плане Махмуд был одарен в высшей степени.

Храм любви, созданный им, недоступен простым обывателям, рядовым людям. Этот храм – обитель исключительных героев, одержимых сильной страстью, непокорностью духа, неукротимостью характеров, предпочитающих смерть серому существованию и будничной жизни. Его творчество – это цельная поэма, посвященная влюбленным и их вседовлеющей, всеильной страсти. Через них он создает ис-

ключительные характеры и редкие обстоятельства, неповторимые в реальной действительности, контрастно противопоставленные ей.

Основной герой его произведений – «Гяшикь» – безумный от любви. На каждой клетке его организма печать любви и беснование страстей. От этого чувства он теряет рассудок, лишается зрения, он тает, как свеча, горит, как дрова в очаге, высыхает, как родник в знойное лето, любовь тяжела, неизлечима, это болезнь без проявления внешних признаков, симптомов.

Любовь для Махмуда – погоня за несбыточной мечтой, несуществующим идеалом, сам факт горения приносит ему подлинное наслаждение.

Вожденной мечтой лирического героя поэта была прекрасная женщина, наделенная всеми человеческими качествами в высшей степени щедро. Махмуд возвысил ее образ до образа богородицы, райской гурии, королевы среди красавиц, лишённой всяких изъянов. От прототипа, лежавшего в основе художественного образа, она далека, как небо от земли. Так высоко он возвысил женщину гор, тем самым требуя поклонения перед ней, воздаяния почестей, которые она заслужила, ратуя за предоставление подобающего ей, достойного места в общественной и семейной жизни.

В своем творчестве Махмуд разрабатывает традиционную для мировой лирической поэзии тему любви, но его произведения на эту тему насыщены высокими страстями, нака-

ЛОМ ОГНЯ.

Поэт нашел и соответствующие художественные средства для выражения кипения, клокотания человеческих чувств. Лирика его высоко поэтична, насыщена яркими, неповторимыми образами, она полифонична, многоцветна, сверкает всеми цветами радуги.

Поэзия Махмуда стала талисманом любви для всех одержимых страстью. Стихи его вошли в широкий народный обиход и обогатили духовный мир человека. Поэтический мир Махмуда сам по себе является трудно разгадываемым, сложным таинством, подобным волшебству. Поэзия Махмуда – это мир красоты и изящества, гармонии и лада.

Для Махмуда как художника слова характерны необычайный полет фантазии, творческое воображение, свойственные подлинному таланту. Окружающую действительность он воспринимал романтически – в многообразии цветов и оттенков, поэтому изображал ее в соответствующем стиле. Его мысли пронизывали землю, небеса, проникали в космос, образы его были чрезвычайно неожиданны и смелы.

В жизни и творчестве Махмуд, бросив узды, мчался, по его собственному выражению, «хиялазул гьорол гьалагаб чо-да» – на буйном скакуне ветров мечтаний.

Постоянной, единой, сквозной для всего его творчества является тема любви во всей ее страсти и накале. Тема эта общеинтересная, общезначимая, занимающая видное место во всей мировой литературе. Любовный треугольник при-

сутствует в литературных произведениях самого различного содержания и эпох. Махмуд сумел изобразить это вседовлеющее человеческое чувство во всем его богатстве и многообразии, от его зарождения в душе человека до всеиспепеляющего пламени, сумел передать диалектику любви, в его поэзии чувство любви обнажено до самой глубины.

Поэзии Махмуда характерны неповторимая мелодичность, напевность, музыкальность, которые оказывали неизгладимое впечатление на слушателей и читателей. Стихи его хорошо ложились на музыку, требовали вокального выражения.

Национальные художественные традиции, поэтические средства изобразительности и выразительности он отточил до такого идеального совершенства, что они до сих пор при восходящем развитии поэзии остаются непревзойденным образцом, эталоном для примера и подражания.

Язык его поэзии, его поэтический синтаксис, метафорический строй изящны, отшлифованы, они оказывают чарующее воздействие, лирика его пленяет.

Сиражудин Хайбуллаев

Дир рекѐл ургъалил гъугъалеб гъаракъ
Пирилъун къвагъдола рукъбазда жаниб;
Жаниб кереналъул кутакаб цѐадул
Цѐилазда кваналеб квешаб хъуй буго.

Печаль в моем сердце, гремит ее голос
– Раскаты и вспышки грозы и огня.
От грома и молнии грудь раскололась,
Могучий огонь пожирает меня.

Рокьян кьерилал, кьалан гЮлилал

Рокьян кьерилал, кьалан гЮлилал
Гемерал ратула терелел дида;
Гищкъу-гъавайилан гьал гАдамаца
Падлу биххун буго дунялалъул.

Лълъим цЮлеб къулгАдухъ кьоролзабазул
Къапила букЮна, балайилан чЮн;
Чараб бакІ лъачЮго, гъанже ясалги
Гьединан хъвадула хьитал хвезегІан.

Хварав чиясулгІан чанги гьечЮго,
Чорхой рахАталда хІебтЮн вуго дун,
ХІасрат бергъаразул гьагІьялдаса
Гьадин цЮнагиян, цІакъго нахъе къан.

ХъахІилб зоб бихъун балагъ бачІаяй,
ЯчЮн гаргадана дида цо гІадан,
ГПумру халатаб къун йохун тогеялъ
ТечЮ дирго рокъов, къватІив вахъаян.

– Дур кколарищ рокьи,
йокьуларищ дун?
Гьедин, гЮдов тІамун,

тубаларо мун!..

Толго дунялалъул лазат гъабилан,
Бана гарбида къвал, къана каранде.
КъотИи гъабилан, бачун цо квергун,
Кидаго рагИичЕл рагIаби къуна:

– Дир гИищкъу ккун бугин гIащикъав дуде,
Мун гIадан ватани, тоге дун гъадин. —
Берзул ишан гъабун гъаб дир ракI боххи
Гъабунги, дур хIисаб хIалтIизе гъабе.

ХIасраталъ ецIцIулей, цIерлъун чвахулей
Чанги гIумру буго гIадада инеб.
Дур бицун рукъ къаллъун, къогIлъун дунялгун,
Къалде рехун йиго дур хиялаца...

Дур бицунеб хабар халат букIани,
Бегъилин абуна элда дицаги.
Гъеб гъорода рекъон гъава хIалтIани,
Гъебги лъикI бугилан кIалъана дунги.

Дирги гъалагаб черх, чалухал лугбал, —
Чияде гIайибал гIодор хутIана;
ГIакълу гъечIеб бетIер, чIгобогояб ракI, —
ЧIухIарал хиялаз хвана гIадада.

ГIаршалъул камилтъи, курсалъул цIикIкIин
ЦIани, бергъинаро гъанже дидаса.

Гьелъул жавабаца жанир рукъбазда,
Рокъул урдуги чІван, Дагъьистан ккуна.

Дунги къираласул къагІидаядла
КъватІий эй яккулеб авал ккун чІана,
Гьелъулги гъава-нич гъуригун цадахъ
ХъахІилаб зодихъе боржун букІана.

Гъадаб къоялъ къотІноб къалъуда ккараб
КъотІи букІин гуреб, кІалъан вукІинчІо,
РикІкІадасан ишан, унеб нухда чан
Чида лъачГого балъго букІана.

РекІел гъудулги щун гъеб заманаялъ
Зодихъ гІенеккулеб гІиприт букІана,
Пакълу-лъай гъикъизе къиралзабилъун
КъватІул жавабалъе жундул гъаруна.

Гъудул данделъулеб, дун гъогъомулеб
Гъаб тІохил хал гъабун тІаде вахана,
ТІаде гъава цІалей, цІад бачІунарей
Гъури-бакъ рекъараб рагІалда чІана.

ГІадани бераца магІу кколареб
ГІищкъул гъаваялъул бакънал рачана.
КъватІибе росулъе сас рагІуларей
Сармил рагІал абун, угъдизе лълъвана...

Алжанул гъорохъе хъахГмаккал гІадин,

Хъвалеб бакІ хутИчЮ лугбазул гЮдоб,
Давудил гьаркьихъе рухІал кинигин,
ХІал ккана рекІеде, тІун бортилилан.

Рагъдаса тІагІинчЮ, тІохдаса инчЮ,
ТІаде швана гьудул гьагъаб нухдасан,
Над бугеб формаяль паналъун халкьгун,
Хиялго гьечЮго ячІун рещІана.

Нухде къулун гуреб, тІаде йорхулеб
Надагъал лугбазул балагьи гьечЮ;
Къеде юссун гуреб, диде сверулеб
Сабураб черхалъул хасият гуро.

Халкъалда рагІарай ГІунайзатида
ГІищкъуяль чи чІвалеб чІимих речІчІана:
ЧІухІараб къоялъул къурайшиялда
Къараб бералдасан бичІчІизабуна.

Балагъун дидегун цо гьей кІалъадал,
КІутІун ана гІиприт ГІурулъе лъугъун,
Гьорчо кодой босзе квер гьель хапидал,
Хварал жал ратила, жундул лъутана.

Жеги дихъ ялагъун хаган чІун гуреб,
РечІчІараб доб чІимхил халго гьабичЮ;
Балеб рогьо гуро, гьарайцин гьечЮ,
Цо къвакараб бераль къотІной ккун йиго.

– БукІараб кьотІийищ, кьараб явлухъищ,
КьотІнов ватаралъув речІчІаризе мун?
Гьадин кьватІий хутІун хаган йигелъул,
Хиялищ гьабураб, анищанги ккун?

ЩобтІа гІерул силъун гІодоб чІараб жо,
ГІадан мун ватидал, гІадлъун гурищ дун?!
Льараль букІунеб хъаз, бахчараб балкан...
Босун гьорчо буго гьанжеги кодоб!

Гьеб ратІлил тІотІой щиб, тІингъил хохой щиб
Ханасул яс йокъун рокъи ккарав дур?
Къан-квачІалда тІаса тІажу киб араб
ТІохде вахинеГІан хиял цІакъав дур?

Дуда бер чІвалаго босана канлъи,
Бачида тІад чІвараб тІенкелилан ккун,
ТІаде йорхулаго тІурана гІакълу,
ТІанхиль гІодоб чІараб гІужрукъ мунилан.

– ГІайиб гьечІо, гьудул, гьедин кканиги! —
Гьадаб кьояль кьотІнов кьвакІичІев дунги,
Къвал дуца балаго, нахъегІан кьайдал, —
Къадарав хІалихъат вукІинарищ дун!

Дирго рокъосаги кьватІиве ахІун,
КьватІазул кепалъе куцарав дуца,
КьотІной вачІаниги, ячІун хадуйгун,
ХвечІого чІайилан чІолей гьечІо мун.

Гъедин рокыялъул къал гъабурав дун,
Гъудуллун тейилан, танищ дуцаго?
Гъава сурун бихъун, балай тарав дун,
Гъыкъизин дудаго, гуккичищ дуца?

Дур гъурмал гвангъиялъ гваргъан ца рекIун,
Щураб кереналда дица щибилеб?
Щобде тIегъ гIадиаб ратIлихъ балагъун,
Бахъараб гынал ракI лъида кIалъалеб?

КIочонареб хIалалъ, хIеренаб мацIалъ,
ХIадур гъабе дие дуда аскIоб бакI,
Бусен хIажат гъечГо, хIули кIваричIо,
ЩутIун каранде къан, къвалбайги гIела.

– ГIаршалъул хIободе хIинчI гIадай дида
ХIулараб руз буго гаргазе лъугъун,
ХIатIал меседилаб мокъокъ кквезеян
КъватIул чаларчаялъ чан гъабун буго.

Гъаваялда къункъра, къел ракъанда гъой, —
Данделъун щиб пайда гъеб кIиялъулго?
Лъел хIориниб къоркъол, Къап мугIрул гIансил
СанагIат рекъани, къабул йиго дун.

Дир хъахIаб каранда квачI къабилилан,
Кин дур хиял лъураб, херлъараб чудук?
Чалухаб гъурмадул гъуинлъи цIуйзе

Цар квешаб оцхІугІил хІисаб бихъулиц!

ХІамагун гаргадун, кІертгун васандун
Сардал арав дуца дие щибилеб?
Бокъор хІайваналгун хІебтІун вугев мун,
ХІакъ букІина дие, ватІа гъавуни...

ТІокІав дун кІальани, тІадеги яхъун,
ТІилица вухизе хиял батана,
Хадуб цойги калам дица гъабуни,
Гъорчо буго кодоб, речІчІизе къачІан.

Гъанже гъагъалдехун валагъун хадув,
Дунги ахІмакъ вукІин якъинаб буго.
НухтІаса инаго тІохдасан кІалъай —
ГІураб гъунар лъльвана гъагъабни дирги.

Нухъица гъекъаял гъал дир беразе,
Азие тІохго щай, тІокъо гІоларищ?
Къаникъ расандаял къадарал лугбал,
КъватІир рахъинчГого, рокъор кин чІечІел?

ТІокІаб эй йигельуй унев чиясе
Инглис пачаясул чу къваригІуна, —
Чархида кколареб бал гъечІеб гІащтІи
ГІемер букІунаан кІалтІа лъун гъельбул.

Гъединан кІалъазе элда батІаго
ТІокІ гъабун бижараб бугищ щибго жо?

Щибал руччабазул рижи цолъидал, —
Цойгиги йосила метерго гьудул.

Гьагъаб гьунарги лълъун, гьоркъе рещтІана,
Похте вахарасде зоб тІегийилан;
ТокІаб йокъулейгун рокъи гьабуни,
Рукъбал ракъвагиян, рокъой вильлъана.

Рокъул ургъелазда къалул чадир чІван,
Черхалда гьарчал шун, нахъе вуссана;
Дунго къараб бахчун, бергъараб гьурщун, —
Гъеб гьунар гурилан, гьабуна гъаб кечІ.

Кинаб лъугъаниги, лъугъанщинаб жо,
РекІел гІатІилъиялъ, лъоларо жаниб;
Лъабго къо инегІан къватІиб бицинчІеб
Къаси квараб хинкІги хутІуларо дир.

Мое поражение

Перевод С. Липкина

Средь ровесников вижу притворно влюбленных,
Вижу много отвергнутых и оскорбленных,
На уме у них только свиданье и страсть,
Весь порядок нарушили, чтоб им пропасть!

Обольщая, они обольщаться готовы,
Их влекут к роднику круглобедрые вдовы,
Там и девушек виден заманчивый круг, —
Я туда не хожу, не ищу я подруг:
Только обуви порча да времени трата!
Понял я, наконец, что любовь глуповата,
Мне томленье и страсть опротивели вдруг.

Я подальше держусь от любви, хоть и молод,
Словно в сердце покойника, сумрак и холод
Ныне в сердце моем...

О, пускай упадет,
Пусть раздавит ее голубой небосвод!
Подошла – и вступила в беседу со мною:
«Ты расстался, слыхала я, с негой земною?»
И безумным я сделался с этого дня!
«От любви ты отрекся? Не любишь меня?»

Да не будет ей в радость ее долголетье!
«Без любви разве хочется жить нам на свете?
Лишь любовью, – сказала, – земля мне мила!»
И внезапно и жарко меня обняла.

Обещала, клялась, говорила о встрече,
И меня обольстило ее красноречье:
«Пожалей ты меня, я в тебя влюблена,
Прояви ко мне милость, добро человечье,
Видишь, таю, как лед, ибо в сердце – весна!

Так подай ты мне знак неприметный глазами,
Чтобы мы не словами слились, а сердцами!

Если имя случайно твое назову,
В нашем доме тотчас начинается ссора.
Без тебя, мой любимый, погибну я скоро,
О, поверь, для тебя одного я живу!»
«Я согласен, но будь мне верна, – я ответил, —
Хороша ли погода, укажет нам ветер:
Погляжу, как слова ты исполнишь свои!»

Нрав мой огненный, я сотворен для любви,
Так представьте себе, как душа закипела:
Я пылал, поглощенный любовью всецело.
Горький опыт и прежний обман я забыл:
Я лишился ума, я любил, я любил!

Я пропал от несбыточных гордых мечтаний:

Обещанья любимой и клятвы навек
На меня совершили победный набег, —
Войско стало владычествовать в Дагестане,
Войско сладостных слов разместилось во мне,
Я понес поражение в этой войне.

Вы послушайте, люди, печальную повесть.
В ожиданье подруги стоял я, как шах,
Но она потеряла, обманщица, совесть,
Но она позабыла о жарких речах.

Отказалась подруга от встреч, разговоров,
Только изредка виделись издалека,
Разговоры вели мы при помощи взоров,
Робкий знак подавала порою рука.
В это время ифрит у меня был слугою,
Он подслушивал тайны земли и небес...
Оскорбленный возлюбленною дорогою,
Я, мечтая о встрече, на крышу полез,
Там я место нашел, где струилась прохлада,
Где я знал, что дождя мне бояться не надо.

И слова о любви я запел, что не раз
Исторгали горячие слезы из глаз.
Я вздыхал, еле слышно стихи напевая.
Эти вздохи, познав дуновения рая,

Словно белые голуби, ринулись ввысь,
Нет, как души умерших они вознеслись,

Очарованы пеньем пророка Давида!..
Сердце бьется, из клетки умчаться спеша.
То волнуется, то замирает душа, —
В ней смешались надежда, восторг и обида.

Наконец, появилась, легка и стройна,
Аульчан ослепляя блестящим нарядом.
Вот прошла, проблестала, совсем она рядом,
Но, увы, на меня не взглянула она.
Вот ступает по улице тихо и плавно,
От меня отворачиваясь благонаравно.

О любовь, твой смертельный удар узнаю,
В этот миг отняла ты и сердце, и разум!
Бросил камешек я в чаровницу мою,
Подмигнул чуть заметно прищуренным глазом.
Тонкостанная вдруг оглянулась, и разом
Джинны бросились прочь: этот взгляд их страшит!

В реку спрятался, струсив, мой верный ифрит,
Чуть она, чтобы камень поднять, наклонилась.
На меня посмотрела она – удивилась,
Мол, зачем ты стоишь? Не пойму я никак,
Почему подаешь мне таинственный знак...

Не бранит меня, лишь, возмущаясь притворно,
Говорит свысока: «Разве ты мне жених?
Я ношу твой платок? И тебе не зазорно?
Как, бросаешь ты камешки в женщин чужих?»

Моего не поняв удивленного взора,
Ты решил, может быть, что смутил мой покой?
Нет, подумала я: «Кто стоит предо мной?»
Ты сперва показался мне кучкою сора!»

И добавила, камень сжимая в руке:
«Ты – гусак, и смердишь ты в зловонной реке!
С ханской дочерью вздумал ты знаться, отребье,
А на теле твоём только рвань да отрепье,
Мне с тобой, оборванцем, беседовать срам!
Для чего же на крышу взобрался ты смело?
Ты напрасно доверился старым штанам:
Видишь, лопнули, всюду виднеется тело!

На тебя поглядишь, – ужаснешься, дрожа.
Ты свернулся в траве, ты похож на ежа!
Людам встреча с тобою не станет удачей:
Ты похож на попону из шкуры телячьей!»
«Ты права, подбирая такие слова,
Ты не в чем не виновна, дружок, ты права.
Ах, зачем я на улице, в день нашей встречи,
Вдруг поверил, глупец, в твои лживые речи!
Ты права, что ничтожным меня назвала,

Я поверил, когда ты меня обняла,
Что мы любим друг друга, любя, торжествуем.
Ты на улицу нагло меня повела
И на улице стала учить поцелуям!

Ты все время, повсюду гонялась за мной,
Ибо знала, что я отказался от страсти.
Но скажи: разве ты принесла мне покой?
Посмотри: я погиб, я теперь в твоей власти!

От любви я отрекся, от страшного зла,
Почему же, скажи, ты меня подвела?
Как цветок на холме, ты сверкнула нарядом —
И влилась в мое сердце губительным ядом.

Приласкай меня так, чтобы я занемог,
Чтоб тебя захотел я забыть – и не мог!

Для чего нам с тобой препираться без цели?
Ты местечко мне возле себя приготовь.
Не нуждаюсь в перинах, в роскошной постели,
Только жарко к груди ты прижми меня вновь!»

«Я подобна певунье из райского сада,
А со мною сова говорит про любовь!
Прочь, ворона облезлая, полная смрада,
Не преследуй меня, я тебя не боюсь,

Я слышу куропаткою золотоперой!
В небе лебедь белеет, а пес – у забора:
Неужели меж ними возможен союз?

Разве может лягушка с любовью и лаской
Обращаться ко мне – куропатке кавказской?

Старый ворон, да как же посмел ты дерзнуть —
Злые когти вонзить в мою белую грудь?

Жук навозный, повсюду слывающий уродом,
Насладиться решил красоты моей медом!

Для чего ты мне нужен, приятель осла,
Сотрапезник ослицы, родившийся в хлеве!
Заревели бы четвероногие в гневе,
Если б я у животных тебя отняла!»

Хоть одно возраженье пытался я вставить,
Но грозила мне камнем: «Не стой на пути!»
Я хотел с убеждением слово добавить, —
Замахнулась она, чтоб удар нанести.

Коль взгляну на нее после этого сна,
Буду я дураком, вот вам верное слово!

Вправду, с крыши смешно разговаривать с той,
Что на улицах любит пленять красотой!

Пусть глаза мои выключет ворон жестокий, —
Совершил я воистину подвиг высокий!
Разве с крыши с такими ведут разговор?
Им бы только места потемней, закоулки!
Для чего же выходят они на прогулки?
Пусть отсохнет язык мой, погаснет мой взор!

Понял я: лишь такого она бы любила,
Кто считался б знатней короля англичан!
А сама-то, – спросите у всех аульчан, —
Топором обладала, не знавшим точила:
В бедном доме росла...

Посмотрите вокруг, —
Разве краше соседок она и подруг?
Разве чем-нибудь славится в нашем народе?

Одинаковы женщины все по природе:
Я другую такую же завтра найду!

Слез я с крыши и дал себе честное слово:
«Пусть я смерть обрету, пусть я буду в аду,
Если влезу на крышу когда-нибудь снова!»

Я подумал, когда я обратно побрел:
«Вот иду я, избитый камнями осел,
Посрамлен, и оплеван, и сердцем расстроен...
Тот, кто влюбится в женщину, смерти достоин!»

Эту песнь потому сочинил я для вас,
Что считаю зазорным скрывать поражения.
Лишь победам своим посвящать песнопенья,
Чтобы всюду гремел мой хвастливый рассказ.

Если муж обладает душой откровенной,
Он все тайны свои открывает вселенной...
Не сердитесь, друзья, что я все разболтал, —

На меня за болтливость нельзя обижаться:
Нынче вечером стоит поесть мне хинкал, —
Завтра всем расскажу, не могу удержаться!

Шагъру шагІбан тІагІун, тІаде моцІалъул

Шагъру шагІбан тІагІун, тІаде моцІалъул
Тоцебесеб сордо бачІараб мехаль,
Будундибирасул истилахІалда
Итниялъ кІалъана кІал кквезейилан.

КІудиял, гІисинал гІадамал рекъон,
Къукъаби къачІана къаси хабаде;
Хваразул рухІалги, заназде рахун,
Росулъ ругел махІаз хІал хъун рукІана.

РакІ бухІарав хвечІо, хабалъ чи гъечІо,
Хиял гъабун чІана, гъезухъ валагъун;
Гъазул гІид батани, дир бертинилан,
Дунги гІедегІана ГІунайзатихъе.

ГІиса чІаго тезе чІварав ЯшугІил
ШигІраби ахІана, хІал хъоларищан;
ХІабиб хахизе щун, йохун юссарай
Рехсана ХІалимат, хІордеги вахъун.

ХІинкъараб лочнохъе чан щоларилан
Черхалда кІалъана кІудияб хІалалъ;

Кинго рахІман гурес рухІ босуларин,
Божаян гьарана гьинал рекІеда.

Гьороца хьамулеб хьахІаб накІкІ гІадин,
ГІодоб хІетІе хьвачІо, хьвана нуцІида;
Щадае хьвадулеб зодил хьухь гІадин
Дунги вачІанилан йорчІизаюна.

Забру варакулаб кьустІантІин месед
ГІаде йорхулаго хвезе вахъана;
Ханас тарих хьвараб хьахІчараб чини
Чорхол рухІ босана бусний угьидал.

Алжанухъ шурулеб шамальул сагІат,
«Щиб дур кьваригІелин» кьватІий яхъана,
ГІогьол най хІайранаб хІеренаб мацІаль
ХІайван гІажизлъулел жавабал кьуна:

– Кьижун гьечІев эмен, йорчІарай эбел,
Авал-кьоноялъул кьотІун гьечІеб сас,
Кьасде регуларел росдал гІадамал,
Сверухъ мадугъалихъ гьабзазул хІапи;

ХІал хьубал кьерилал, кьалал гІолилал,
Кьурун руссун чІарал саяхъалщинал,

Щобда чІвараб байрахъ – чІалгІун ругел ниль,
ЧІвалин хІинкьичІого, вачІун вугев мун;

МугІрул бисалдаса боснов цОдорав
Щунун дунгун тарав рагъда хъаравул,
Хъергъу бачГунелъул тІанчІи гІадинан,
Дун тІаде яхъани, рахъунел лъимал;

Лъезе бугътан швани, щибго кІочонел
КІалдиб мацІ борхылал бихьинал, цІуял,
ЦІа-каналъул гвангъи, горда бугеб нур, —
Дуда гъабулеб жо дида лъаларо!

Гъанже дун суризе сабаб гурони,
СанагІат букІинчІищ ниль кІиязулго?
Сардиль вачІу, н унев чиясда лъани,
Лъолел бугътаназул гъабиларищ хал?

– Дирги гъари буго, гъудул, дудехун,
Дидаги бугеб хІал бицине теян;
Цойги ургъел буго дуде бикъизе, —
Бокъани гІин тІаме» бокъичІони чІвай.

ЧухІараб дур логол хІисабги гъабун,
Сардиль хІорде щвана щуцан гІакълугин;

ЩайтІабазул ханас нухдаги витІун,
ПартІан рагъда лъуна – лъачІо тІокІаб жо.

Хъулада лъураб кор лъалин къасдеян,
Къвалакъ ккун гІиприталь течІо, вачана;
Чанлъун гІалахалда хвелин мунилан,

Хехго рекІайиІан букІинчІо илбис.

Меседил кыли лъун кьолон жайрангун,
Жундузул бояца цеве кьотІана;
КьулГаялгьул кІалтІу тІун агийиІан,
ТІаде вахъайиІан хъамуна ракІаль.

ХъахГаб маргъалалгьул тахида гІурай,
ГІайибги бугоан мунгун кІальазе,
Зодил хІанчІидаса босной хІеренай,
Мунагъ хъван батила яхъинайидал...

– ХъахІал раГІабаца гІадамал гуккун,
Диде ирга щведал щун ватила мун;
Щиб гурин гъабилеб, вачІа жаниве,
Жемун цо кьвалги бан, кьалин каранде.

Къададь борхъазулги бихьулелгьул хІал,
Дунги теларилан батила хиял.

Хабалгьги теларин тавбуги гъабун,
Туплис пасажирлъун воржа зодове.

Дур раГІул канпетал рагІана дида,
ГІолилазе кьурал, диеги кьолел;
Кьурун мун вусигІан юссинин дуде,
Мисри кьирар гІадин къадруялда чІа.

Дуца кІал бичІарай йорчІичІин гІадан,

Дунги батІалъи щиб, шулаго чІезе.
Бихъаралъе шукру, шванщиналъе рещ,
Ширван гІала гІелин, гІодове вусса.

Гпанбарул тІогъоде тІинчІаб найилги —
ТІокІаб анищ бугищ абизе дида?
Збелалъ ясан тун, росуль гІей гуреб,
Пполилазе къураб къерги дир гъечІо.

Къурабалъе хІинчІлъун чІезе айилан
Инсан кІалъаниги, букІина битІун.
СайхІун-ЖайхІуналъул лъелъе ччугІаги —
Чин диргун башадай швеларо дуй яс.

...Дагъистан урхъараб хъахІаб надалда,
Хъвалаго гІакълу ун гІодов речІІана;

Гпарабустаналда таватур бугеб
Гарбида къвал байдал дунял кІочана.

Эй кІалъалеб мехалъ мокърокъгин къеда,
Къалъуль бакъул гІадин, паркѝи букІана,
КІиябго кІветІалъан, жавгъаруль гІадин,
Жийго йихъулаан, нур хъвадулаан.

Гъелъул рагІабазул гъуинлъи лъайдал,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.